

СМЕРШ —
спецназ Сталина

СМЕРТЬ ПОД УРОВНЕМ МОРЯ

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Смерть под уровнем моря

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Смерть под уровнем моря / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-091605-4

1944 год. Крым. Отступающие фашисты спешно готовят к вывозу в Германию уникальную коллекцию живописи, хранящуюся в местном музее. Спасти шедевры поручено партизанам во главе с капитаном СМЕРШ Вадимом Сиротиным. Им удастся выяснить, что бесценный груз находится на борту подводной лодки, которая стоит в хорошо охраняемом доке. Группой проникнуть туда невозможно. Тогда Сиротин решает в одиночку пробраться на объект и вывести из строя немецкую субмарину. Капитан понимает, что идет на верную смерть. Но в последний момент к нему приходит необычная помощь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091605-4

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Александрович Тамоников

Смерть под уровнем моря

© Тамоников А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

5 ноября 1941 года, Ялта

Ветер гнал по Корабельной улице обрывки газет, картонные коробки, рваную мешковину. Хлопали незакрепленные ставни и створки ворот, гнулись облетевшие деревья. Солнце встало несколько часов назад, но не могло протиснуться сквозь плотную облачность. Ветер усиливался, переходил в порывистый. Иногда с серого неба начинал сыпать мелкий дождь, но быстро уставал и прекращался. Температура составляла чуть выше нуля. В последние сутки заметно похолодало.

Рокотала отдаленная канонада. Улица на восточной окраине крымской жемчужины словно съежилась. Небольшие дома жались в кучку, ждали чего-то страшного. Живых существ с улицы выдуло, не считая пары собак с поджатыми хвостами. Они ковырялись в мусоре, пугливо косили по сторонам.

По переулку, пересекающему Корабельную, с ревом пронеслась разболтанная полуторка. В кузове ругались люди. Стих посаженный двигатель. Звякнула калитка в воротах, выпустила нескольких человек.

Двое мужчин несли набитые чемоданы, тяжелые вещевые мешки. Женщина в платочке вела за руки двух маленьких детей. Они спотыкались, хныкали. Кучка людей растворилась в том же переулке.

В санатории «Пограничник», венчающем живописный холм, тоже не замечалось никаких признаков жизни. Тоскливо чернели оконные проемы. В них не осталось даже штор – все вывезли.

Глухо зарокотали земные недра. Послышались раскаты, похожие на гром небесный. Минеры подняли на воздух городскую электростанцию, чтобы не досталась врагу. Водопровод подорвать они не успели, облегчили жизнь оккупантам на ближайшие годы. Испуганно заскулили собаки, рвавшие мешок с мусором, прыжками помчались под ближайшую ограду.

За всем этим хмуро наблюдала величественная гора Ай-Петри. Она висела над Ялтой как дамоклов меч.

В середине октября немецкие войска прорвали укрепления у села Ишунь, прошли Перекоп и вторглись в степной Крым. Потрепанные части 51-й армии отходили с боями, цеплялись за каждый клочок земли. Танковые колонны вермахта буквально разрезали позиции защитников Крыма. Разрозненные части отступали в Севастополь, в Керчь, рассеивались по горам, где превращались в партизанские отряды.

Остановить напор военной машины Германии было невозможно. Пали Джанкой, Симферополь, Бахчисарай. Обескровленные советские войска шли через Ялту на Севастополь, где спешно создавался новый укрепленный район.

Одно из таких подразделений появилось в конце Корабельной улицы. Усталые солдаты брели, не соблюдая строй. Формально – батальон, фактически – меньше роты. Почерневшие, небритые красноармейцы в касках и пилотках тащили на плечах трехлинейки, катили за собой станковые «максимы». Многие были перевязаны. Засохшая кровь пропитала бинты.

Сбоку, прихрамывая, шел командир. Из-под ворота засаленного бушлата выглядывали знаки различия, три кубаря старшего лейтенанта. Он исподлобья смотрел на окна домов.

Кое-где еще теплилась жизнь, за шторами мелькали силуэты. Но никто не выходил на улицу, не провожал родную Красную армию. В городе осталось не больше половины жителей. Да и солдаты прекрасно понимали, что назад вернуться не скоро, опускали глаза, смотрели себе под ноги. Лишь иногда, когда разгоралась канонада на севере, они вздрагивали, оборачивались.

Подразделение свернуло на улицу Кирова и растворилось в пасмурной дымке. К набегу солдаты не спускались, шли по холму.

Два трехтонных грузовика вышли из ворот Массандровского винодельческого завода, свернули в узкий переулок, стали спускаться к морю. Они вывозили последние партии дорогих коллекционных вин. Все самое ценное было уже отправлено в Тбилиси и в Куйбышев. Сегодня утром на предприятии были взорваны глубокие подвалы, где хранились знаменитые напитки, расстреляны винные бочки. Приказ командования был неумолим. Не оставлять врагу ни капли крымского вина!

Грузовики выехали на соседнюю улицу, где было оживленно. Люди в форме НКВД выносили опечатанные ящики из хранилищ Госбанка, грузили в кузова. Во дворе горели стопки макулатуры.

Схожая ситуация наблюдалась у горкома партии и исполкома совета народных депутатов. Там тоже стояли машины с откинутыми бортами. Грузчики в форме трудились не покладая рук.

В стороне плакали какие-то женщины. Они с тоской смотрели на то, что происходило вокруг.

Через несколько минут грузовики вошли на территорию порта. Над ней висел разногласный гул, рев моторов.

Море штормило. Волны разбивались о мол, тянувшийся в восточной части гавани, к причалам доходили в урезанном виде. Но даже там они облизывали бетонные парапеты и сваи, накатывались на прибрежные камни.

Канонада нарастала, становилась объемной, уже не звучала просто фоном. По набережной на юго-запад тоже брели солдаты.

– Куда вы уходите? – кричали из толпы. – На кого нас бросаете? Опомнитесь!

Солдаты опускали головы. Никто не поворачивал. Потрепанные роты двигались по набережной, втягивались в горы.

Полным ходом шла эвакуация населения и раненых. Многочисленные санатории и пансионаты с началом войны были приспособлены под лазареты. Эвакуировать людей по суше было нереально – куда? Немцы перерезали все артерии.

На пристани творилось что-то непотребное. Давились люди, машины. Надрывали глотки солдаты войск НКВД, трясли карабинами, сдерживая толпу. У причала стояли несколько военных катеров, баржа с пробоиной в борту. Солдаты теснили людей, создавали коридоры, по которым санитары доставляли раненых к трапам.

Здесь собрались не меньше десяти тысяч человек. Все они хотели покинуть Ялту.

У причала загружался пассажирско-грузовой теплоход «Ливадия», внушительное судно водоизмещением почти шесть тысяч тонн, длиной больше ста метров. На него лезли люди, штурмовали трап, ругались с охраной. Многие теряли чемоданы. Те летели в воду, падали на камни. Плакали женщины и дети.

– Граждане, не давиться! – орал в рупор простуженный голос. – Соблюдайте дисциплину и порядок! Паникеры и бузотеры будут расстреливаться! Не давить, всем отойти!

Солдаты стреляли в воздух, чтобы сдержать толпу. Матерщина стояла отборная. Сотрудникам НКВД удалось потеснить народ. Грузчики вносили на борт ящики, привезенные с винодельческого завода.

– Вы только полюбуйтесь! – заорала какая-то баба. – Вино им дороже людей! Мы пусть пропадем, а бутылки надо вывезти!

Народ роптал, но на штыки не бросался.

По палубам металась команда, распределяла беженцев и раненых. Людей не считали, рисковали перегрузить судно. «Ливадия» уже просела ниже ватерлинии.

– Мы вам что, резиновые?! – выкрикнул капитан в лицо офицеру с петлицами НКВД.

Других пассажирских судов сегодня не было. В конторе порта разрывались телефоны, бранились люди.

Население Ялты в эти непростые дни разделилось пополам. Одним надо было срочно уезжать. Не важно, куда именно, лишь бы подальше от фашистов. Другие решительно отказывались покидать свои жилища, не видели особых различий между словами «эвакуация» и «оккупация».

Вслух об этом не говорили, но наверняка размышляли. Мол, посмотрим. Вдруг хрен окажется слаще редьки? Ведь не черти же с рогами и копытами сюда придут.

У старшего поколения еще свежи были в памяти бесчинства, вытворяемые подручными Бела Куна. Этот пламенный революционер с карающим мечом шел по Крыму, изводил под корень все, что, по его мнению, могло дать контрреволюционные всходы. Он приказывал без всякой пощады уничтожать всех потенциальных беляков – учителей, врачей, грамотных инженеров.

Солдаты снова теснили толпу. Сотрудники Всесоюзного института табака и махорки вносили на борт свои архивы и самое ценное оборудование.

Уезжали руководящие кадры. Подошли легковушки из горкома, выгружались члены семейств партийных вожakov. Для них были забронированы отдельные каюты.

В восточной части гавани вздымался зловонный дым над насыпным молотом. Грузовики привозили сюда продукты из санаториев – мешки с солью, сахаром, крупы, мясные и рыбные изделия. Охрана сваливала все это в кучу, обливала бензином, поджигала и следила, чтобы народ не лез в огонь.

Люди толпились в отдалении, мрачно наблюдали за этой дивной картиной. Должностное лицо, отдавшее столь мудрый приказ, явно не ладило с головой. Население Ялты недоедало, многие семьи голодали, а тут при всем народе уничтожались десятки тонн съестного!

Отчаянные пацаны среднего школьного возраста подползали к молу с восточной стороны, прятались за камнями, пользуясь дымовой завесой. Рискую получить пулю, они вытягивали из кучи тлеющие мешки, сбрасывали их на отмель с обрыва.

Юркий счастливчик скинул три десятикилограммовые банки с томатной пастой и улепетывал с ними по узкой полосе прибоя. Две он держал под мышками, третью катил ногами, прямо как футбольный мяч.

А над холмами разгоралось новое зарево. Занимались огнем продуктовые Мордвиновские склады, с которых тоже не все было вывезено.

В акватории порта стояли сторожевые катера с зенитными орудиями. Они охраняли это вот мероприятие.

Погрузка на «Ливадию» продолжалась. Ажиотаж постепенно стихал. Те счастливчики, которым удалось забраться на борт, старались устроиться поудобнее.

На нижней палубе стонали раненные. Вокруг них суетились люди в белых халатах.

– Люди добрые, неужели мы Крым отдаем? Как же так? – проговорил офицер, раненный в голову. – Какого хрена, граждане-товарищи?..

Застыл в тревожном ожидании городок Элидия, прижавшийся с запада к Ялте. Местечко весьма живописное. Террасы, поросшие кипарисами, плавно съезжали к морю. Между крон пестрели крыши жилых домов и санаториев.

Городок состоял из двух частей – жилой и исторической, имеющей непосредственное отношение к всемирному культурному наследию. Здесь располагались старинные дворцы, несколько музеев, обширное садово-парковое хозяйство, не имеющее аналогов в Советском Союзе. В мирное время сюда наплывали туристы, круглогодично проводились экскурсии. Во дворцах проходили выставки, всевозможные торжества, международные симпозиумы. Здесь любили отдыхать партийные и хозяйственные деятели всех рангов, включая высшие эшелоны. В летнее время это местечко мало отличалось от рая – в представлении, разумеется, недалеких и отсталых слоев населения.

Подразделение под командой хромающего старшего лейтенанта уже входило в Элидию. Колонна растянулась. Усталость гнула людей к земле, но теперь они оживлялись, с немалым интересом глазели по сторонам.

Да, здесь было на что посмотреть. За кипарисами на фоне моря пряталась бывшая императорская резиденция – Таврический замок. Он был построен в начале девятнадцатого века французским архитектором Бушаром. Струились изящные фасады, высились колонны. Это чудо архитектуры окружали газоны и пальмы.

За решетчатой оградой возвышалась красивейшая церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. В отличие от многих других церквей Советского Союза она работала. Это здание тоже считалось шедевром мирового зодчества. Такое не стыдно показать даже искушенным иностранцам. Церковь и ныне смотрелась величаво. Но парк вокруг нее приходил в упадок. Кусты давно не постригались, на неухоженных газонах желтела облетевшая листва.

Дорога змеилась с террасы на террасу. Здесь даже жилые дома были опрятнее, чем в Ялте. Они наглядно демонстрировали иностранным туристам, насколько хорошо живут люди в Советском Союзе. Здания гармонично вписывались в местность, даже многоквартирные. За резными оградками возвышались раскидистые грецкие орехи, персиковые деревья, вездесущая южная дичка – самый примитивный сорт абрикосов.

– Братцы, неужто эту красоту немцу отдадим? – в сердцах проговорил щетинистый боец в засаленной фуфайке. – Да где это видано, братцы? Трудовой народ всю эту красоту строил, ночами не спал в непосильном труде, а мы – немцу? Берите, дескать, господа хорошие, нам не жалко, у нас еще есть?

– Не тяни жилы, Пашка, без тебя тошно, – огрызнулся боец, шагавший рядом с ним. – Ладно, отдадим, но ненадолго, пусть подавятся. Скоро обратно заберем.

– Отставить разговорчики! – прорычал офицер. – Люлин, Кочубеев, вы чего плететесь как две сопли по асфальту? Шире шаг!

– Надо же, какой!.. – проворчал Пашка. – Поговорить нельзя. Может, нам последний день и остался, чтобы языком потрепать.

На перекресток с улицей Весенней выходили люди из окрестных домов, угрюмо поглядывали на изнуренных солдат. Те прятали глаза, отворачивались.

– Слышь, командир, долго вы драпать еще будете? – спросил тощий парень в пиджаке и шарфе, обмотанном вокруг горла.

– Не твое дело, – огрызнулся офицер. – Сколько прикажут, столько и будем.

– Так за Севастополем-то нет ни черта! – крикнул кто-то из местных жителей. – Там одно море. Или вы по нему аки посуху?

Люди невесело усмехались.

– Граждане, все в порядке! – объявил второй офицер, совсем молоденький, который шел вместе с солдатами. – Никто никуда не драпает. Дойдем до Севастополя, как было приказано, там перегруппируемся и со свежими подкреплениями погоним немца обратно. Ждите нас через пару дней!

Командир вознамерился что-то сказать, но промолчал, лишь неласково покосился на своего заместителя. В отличие от своих подчиненных он владел обстановкой, знал, что все не просто плохо, а совсем погано. Но голос молодого офицера звучал убедительно, доходчиво, внушал людям веру.

Горожане молчали, провожали глазами солдат.

– Дай-то господь, – сказала дряхлая старушка, перекрестилась и добавила: – Хотя вы и безбожники оканные.

– Веселее, товарищи бойцы! – заявил командир. – Что за тоска у вас на лицах? Где ваш позитивный жизненный настрой? Вам по морде дали, а вы уже и в хандру?

– Смотрите, краля какая! – подметил вдруг кто-то.

Солдаты сразу повеселели.

С улицы Весенней спустилась худенькая девушка в коротком драповом пальто в белый горошек. Она стояла вместе со всеми и ждала прохода колонны, чтобы перебежать дорогу. Ей было не больше двадцати пяти, стройная, курносая. Короткие волнистые волосы венчал какой-то несерьезный беретик. Под мышкой она держала пухлую папку в коленкоровом переплете. На плече висела сумочка.

Бойцы непроизвольно приосанивались, поднимали головы. Не сказать, что на их лицах появлялась орлиная дерзость, но прежнее уныние исчезло. Люди посвежели, приободрились.

Командир с интересом посмотрел на девушку, выпрямился, развел плечи. Она украдкой улыбнулась ему.

– Что еще надо для высокого морального духа, верно, девушка? – сказал ей молодой лейтенант. – Ну, понятное дело, кроме усидчивости на политзанятиях.

– Не балуй тут без нас, хорошая, – проворчал рябой ефрейтор, поворачивая голову по мере удаления от этой особы. – Будь скромницей, договорились? Учти, придем – проверим.

Бойцы загоготали. Девушка смутилась, потупилась. Когда колонна проследовала мимо, она быстро перебежала дорогу, покрепче прижала рукой папку и засемила вниз по Весенней улице. Маленькие каблучки стучали по брусчатке.

Вскоре девушка вышла к Марининскому дворцу, даже в осеннюю пору утопающему в зелени. Сколько раз она наблюдала эту картину, которая в любое время года завораживала ее, не давала оторвать глаз. Действительно, кусочек рая, какой-то странной, не советской жизни.

Растительность уступами спускалась к морю. Высились остроконечные кипарисы, ближе к воде стояли пальмы. Еще не все цветы увяли. Они белели и краснели на шапках декоративных посадок. Дворцово-парковый ансамбль органично вписывался в окружающую среду.

В Марининском дворце работал художественный музей, собрание нескольких тысяч бесценных экспонатов. Когда-то здесь жили графы и бароны. Во второй половине девятнадцатого века дворец купил император Александр Третий, вокруг него был разбит прекрасный парк. Теперь все это великолепие принадлежало трудовому народу.

Здание причудливой конфигурации, усыпанное архитектурными украшениями, было сложено из местного серо-зеленого диабазы. Отдельными элементами оно напоминало средневековый рыцарский замок с налетом английской готики, другими – восточное зодчество. Фрагменты эклектики идеально уживались в этом шедевре архитектуры.

Многочисленные башни, резные карнизы, шпили, купола, ажурные балюстрады, каминные трубы, окна-бойницы за годы советской власти хуже не стали. За ними следили, поддерживали в отличном состоянии. Задняя сторона дворца выходила к морю. К нему маршами спускалась монументальная лестница с тремя парами скульптурных изваяний греческих богов из белого каррарского мрамора. Вокруг нее произрастал парк с фонтанами, газонами и клумбами, органично вплетенными в пространство.

Здесь, как и в любом приличном европейском дворце девятнадцатого века, имелся зимний сад. Украшением здания была изысканная Голубая гостиная с вычурными лепными украшениями.

Девушка, по-видимому, была утонченной натурой. Она остановилась и упивалась зрелищем, которое не портило ни время года, ни хмурые тучи над головой, ни серое штормовое море.

Но гром канонады скоро вывел ее из оцепенения. Она поежилась, повертела головой. Каблучки зацокали дальше.

Барышня пробежала по аллеям, обрамленным бордюрным камнем, и вскоре влетела во двор, украшенный изысканным фонтаном с мраморными львами. Проход в резной ограде сегодня был открыт, как, собственно, и ворота.

У парадного крыльца стояли два трехтонных грузовика. Люди в штатском втаскивали в кузова ящики, обитые железом и опечатанные. Другая бригада работала в здании.

– Забирайте! Сколько можно ждать? – Доносились оттуда зычные выкрики.

– Ни с места! Кто такая? Документы! – прозвучал грозный окрик, и из-за каменного фонтана вынырнул боец в форме войск НКВД.

Он наставил на девушку карабин и поедал ее глазами. Следом за ним вышел еще один человек, при кобуре, явно офицер, с пытливой физиономией, покрытой мелкими оспинами.

– Да я своя, работаю здесь, – зачастила девушка. – В горсовете была, бумаги собирала, необходимые получателю груза. – Она показала папку. – Пропустите. Меня Аркадий Петрович ждет. – Она попыталась обогнуть человека с кобурой, но тот поспешно заступил ей дорогу и заявил:

– А это еще что за неподчинение представителю власти? Не торопимся, гражданка. Объект режимный. Вы должны это понимать. Сперва документы предъявляем, а потом проходим, если я разрешу. Ложкин, глаз с нее не спускай! – рыкнул он красноармейцу.

Тот в прыжке расставил ноги, передернул затвор.

Девушка чуть не выронила папку, всплеснула руками, неловко забралась в сумочку, и та едва не упала с плеча. Должностные лица хмуро наблюдали за ней. На свет появились документы, аккуратно завернутые в носовой платок. Офицер небрежно отбросил его. Девушка вздохнула, но не решилась поднять. Владелец прыщавой физиономии неторопливо перелистывал бумаги.

– Так-с... Некрасова Юлия Владимировна, двадцать четыре года. Город Элидия, улица Грибоедова... Служебное удостоверение, пропуск. Что, Ложкин, похожа эта барышня на немецкую диверсантку или шпионку, представляющую угрозу самому существованию нашего государства рабочих и крестьян? – Он бросил насмешливый взгляд на часового.

– Так точно, товарищ капитан, похожа! – сказал часовой.

– Эй, в чем дело? – возмутилась девушка. – Что вы такое говорите? Пропустите меня к товарищу Шабалдину! Я окончила Московский историко-архивный институт и с прошлого года работаю младшим научным сотрудником в этом музее. Мне предоставили здесь жилье. Я на хорошем счету у Аркадия Петровича, спросите у него, если не верите. – Ей кое-как удалось сдержать бурлящее негодование, она поджала губы и с нелюбовью разглядывала представителей власти.

Форменные вредители, мешают работать!

Офицер сверлил ее глазами. Разве можно после такого не треснуть его по башке чем-нибудь тяжелым?

«Заняться больше нечем? – чуть не вырвалось у девушки. – Вам забыли сказать, что немцы к городу подходят?»

– Товарищи, пропустите ее, это моя сотрудница! – К ним семенил от крыльца худощавый седовласый мужчина.

Директор музея Аркадий Петрович Шабалдин, всегда благообразный, представительный, невозмутимый, сегодня был совсем не такой. Он сутулился, лицо его посерело, в глазах блуждал тоскливый огонек.

– Господи, Юленька, хорошо, что вы уже здесь. Мы буквально зашиваемся...

– Ладно, проходите. – Офицер неохотно протянул девушке документы и отвернулся.

Она облегченно вздохнула.

– Юленька, пойдёмте скорее. Вы должны помочь Матильде Егоровне. Она не может самостоятельно завершить рассортировку, путает Левицкого с братьями Черенцовыми. – Шабалдин схватил ее под локоть, повлек к парадному крыльцу. – Не обращайтесь на этих военных, Юленька, у них служба такая – никого не пущать и всех подозревать. Прибыли полтора

часа назад по распоряжению товарища Самоедова из областного управления НКВД, делают вид, что нас охраняют. Немудрено, что они вас прежде не видели.

– Что за неприятный тип, Аркадий Петрович? – Девушка оглядывалась. – Неужели они все такие, повсюду видят шпионов?

– Согласен, Юленька, капитан Сырцов – не самый приятный тип, лезет туда, куда его не просят, только мешается, корчит из себя абсолютную власть. А сам, мне кажется, даже не понимает, что такого ценного в экспонатах музея. Выполняет приказ, а сам, извините, просто образец невежественности и невоспитанности. Что вам сказали в горсовете, Юленька?

– Им не до нас, Аркадий Петрович. Там творится что-то ужасное. Люди в панике, вывозят все, даже мебель грузят на машины, которые пойдут в Севастополь. Я едва отыскала секретаря товарища Щекуненко, он подмахнул бумаги не глядя, выдал пропуск в порт. Еще орал на меня. Мол, кому сейчас нужны эти ваши пропуска, если скоро будут требовать аусвайсы. – Девушка поежилась. – Аркадий Петрович, неужели все это происходит на самом деле и мы никак не можем повлиять на события?

– Юленька, я ровным счетом ничего не знаю. – Директор музея слегка заикался от волнения. – Уж мы-то с вами никак не повлияем на эту проклятую войну. Не представляю, что тут будет. Сырцов сказал, что за нами придет отдельный транспорт из Потти. Вечером, ночью или даже утром. Судно называется «Алазани», это небольшой грузо-пассажирский теплоход. На «Ливадии», которая сегодня уйдет из Ялты, места уже нет. До прибытия «Алазании» мы должны быть в порту, готовы к погрузке. Вы собрали свои вещи, Юленька?

– Конечно, Аркадий Петрович. Я еще вчера принесла сюда два чемодана. В них вошло все, что у меня есть. – Девушка пыталась улыбнуться, но выходило у нее что-то скорбное, неубедительное. – Вы уверены, что мы должны уехать?

– Непременно, Юленька, обязательно. Мы должны находиться рядом со своими экспонатами, иначе быть не может. Хотя это прежде всего моя доля. Со мной уже все ясно, а вы сами должны решать свою судьбу. Вас никто не неволит, вы просто наемный сотрудник. Но я буду очень рад, если вы останетесь с нами. Коллеги обещают приютить нас в Тбилиси, выделить необходимые помещения, создать условия если не для экспозиции, то хотя бы для временного хранения. Не знаю, Юленька, панацея ли это. – Шабалдин украдкой посмотрел по сторонам. – Не считите меня за паникера, но все на самом деле очень плохо. Фашисты прут, их невозможно остановить. Мы слышим по радио бодрые рапорты, но что происходит на самом деле? Немцы стоят у стен Москвы, окружают Ленинград. А вдруг через месяц-другой они придут и в Тбилиси? Не обращайтесь внимания, Юленька. Я ничего антисоветского не говорил. Это просто крик души. «Социалистическое отечество в опасности!» Боже правый, сколько себя помню, оно всегда в опасности. Я не уверен даже в том, что мы дождемся этот мифический транспорт.

Они поднялись на крыльцо. Шабалдин отвлекся, начал ругаться с грузчиками, которые, по его мнению, небрежно обращались с музейными раритетами.

– Здесь же хрусталь, изделия из фарфора и малахита! – возмущался Аркадий Петрович. – Неужели нельзя осторожнее, товарищи грузчики?

Но помянутым товарищам все это было до лампочки. Они не состояли в штате музея.

Юля шла по гулкому вестибюлю дворца. За сто лет своей истории он видывал всякое, но такого еще не переживал даже в двадцатом году, когда Рабоче-крестьянская Красная армия ворвалась в Крым и чуть не растоптала на радостях этот архитектурный шедевр. Тогда здесь орудовали расхитители и мародеры, но у большевиков нашлись светлые головы, остановили вакханалию, вернули практически все народное достояние.

Сейчас во дворце царило запустение. Роскошный вестибюль, передняя, большая столовая – такое впечатление, что тут банда махновцев на тачанках прошла! А ведь еще два дня назад здесь стояли фарфоровые вазы, висели великолепные панно Гюбера Робера, французского художника восемнадцатого века. В бывшей графской столовой были представлены

работы Боровицкого и Айвазовского, чудные пейзажи Щедрина, Орловского. Теперь кругом валялись только мусор, битая тара, обломки резной тумбы из ореха, которую директор решил не вывозить, осколки стеклянного столика-витрины.

Юля шла по просторным помещениям, где гуляли сквозняки. Какие-то незнакомые люди тащили ящики.

«Мы просто физически не в состоянии все это вывезти! Неужели придется оставить здесь мебельные гарнитуры из красного дерева, чайные сервизы императорского фарфорового завода, изысканные канделябры, часы? Сердце сжимается от тоски. Хоть бы картины спасти», – думала девушка и растерянно смотрела по сторонам, проходя через сквозные помещения.

Во дворце насчитывалось больше сотни комнат, и у каждой из них имелось свое лицо, собственная статья. В одной стояли удобные мягкие кресла с изогнутыми спинками из мастерской Генриха Даниэля Гамбса, секретеры голландской работы. В другой – мебель из дуба в стиле чиппендейл. Пейзажи и натюрморты западноевропейских художников прошлых столетий, цветные эстампы английского мастера Уильяма Даниэля с видами Лондона, работы Карла Брюллова. Посуда из богемского стекла с графскими гербами, антикварная мебель, камин из полированного диабаз.

Бывшая бильярдная, библиотека, отделанная деревом. В портретной гостиной выставались работы не только известных художников, но и крепостных. Их творения ничуть не уступали шедеврам маститых мастеров. Рыцарские залы со скульптурными портретами, Парадный и Китайский кабинеты...

Юля пробежала через анфиладу дворцовых интерьеров, спотыкаясь о мусор. Она сталкивалась с грузчиками, демонстрирующими богатство русского языка, через арочный проход влетела в огромный зал.

Здесь проходила выставка передвижников, привезенная из Русского музея полгода назад. Весь Крым любовался полотнами Саврасова, Поленова, Шишкина, Крамского, Сурикова. Когда началась война, Русский музей не затребовал свои картины обратно в Ленинград, не до этого было.

Никто не представлял размеров бедствия. Выставка продолжала работу фактически до последнего дня! Сначала власти не верили, что немцы прорвутся в Крым, рассчитывали на какие-то резервы, на мужество и невиданные способности советского солдата. Потом началась неразбериха, про шедевры искусства, которые нельзя оставлять врагу, вспомнили в последнюю очередь.

Сейчас здесь работали несколько человек – музейные сотрудники, пришлые грузчики. Они заворачивали картины в брезент вопреки всем правилам и нормам. Те, что не входили по габаритам, вырезали из рам.

У Матильды Егоровны, полноватой особы со скорбящим ликом, все валилось из рук. Она заворачивала в упаковочный картон бронзу первой половины девятнадцатого века, бережно складывала изящные вещицы в контейнер. Дрогнула рука, изысканный бокал для вина покотился по полу.

Рядом с картонной тарой в позе роденовского мыслителя сидел молодой сотрудник Яша Гринберг и печально смотрел на Матильду Егоровну.

– Юлия Владимировна, наконец-то! Где вас черти носят? – воскликнула Матильда Егоровна. – Быстро помогайте. У нас уже ум за разум заходит! Вы только посмотрите, что наделали эти горе-помощники. Они же нам всю лепнину отодрали!

– А вот и не всю, – заявил рыжий парень и подмигнул девушке в берете. – Мы художественных институтов не кончали. Нам сказали таскать и грузить, вот мы это и делаем. Для нас нет разницы, что волоочь, картины или дрова. Командуйте, барышня, чего еще снимать.

– Юлия Владимировна, проследите, умоляю вас! – вскричала Матильда Егоровна. – Они торопятся, все рвут, ломают! У нас еще Розовый зал не обработан!

В этом зале экспонировались Перов, Мясоедов, Ге. Замечательные мастера кисти, люди, равнодушные к своей стране! В основе их творчества лежал метод критического реализма. Передвижники правдиво изображали жизнь русского народа, природу своей страны. Они служили интересам простых людей, прославляли их величие, мудрость, терпение, обличали помещиков и прочих эксплуататоров. Эти художники твердо стояли на демократических позициях, решительно осуждали самодержавие, расшатывали, как уж могли, гниющие основы царизма.

Юля взяла работу в свои руки, командовала, что и как снимать, куда складывать. Она сама сворачивала картины в рулоны и обертывала их. Для этого ей пришлось пинками поднять Гринберга и отправить его в подвал за упаковочным материалом. Яша охал, тяжело вздыхал, но в итоге заразился энтузиазмом.

Они заботливо укладывали в контейнер сперва потрясающую «Голгофу» Николая Николаевича Ге, а потом и другую работу того же мастера – портрет Александра Герцена. Сколько же мужества понадобилось художнику, чтобы в условиях нескончаемых гонений запечатлеть тогдашнего государственного преступника и политического эмигранта, непримиримого противника крепостничества и самодержавия!

– Эх, грехи наши тяжкие, – прокричал Гринберг, опасливо косясь на грузчиков, уносящих готовый контейнер. – Юлия Владимировна, вы случайно не знаете, правда ли, что сюда немцы придут? Это же Ялта, в конце концов, а не какая-нибудь Ельня. Не умещается в голове, знаете ли. Вроде она у меня нормальная, довольно большая, а все равно не лезет. Вам не кажется, что мы совершенно напрасно разоряем наш музей? Вот соберем в Севастополе ударный наступательный кулак да как обрушим его на ненавистного врага!

– Яша, уймись, – проворчала Юля. – Лучше работайте. Будет больше пользы. Не знаю, что там насчет кулака, но войска уходят. Они идут через город уже второй день и никак не могут остановиться.

– Скроются под Севастополем как тридцать три богатыря в пучине морской, – заявил Гринберг и вздохнул. – Ладно, не обращайте внимания, Юлия Владимировна. Я просто так спросил, не дурак же. Но ведь мы сознательно губим наши коллекции. Посмотрите, как эти вот грузчики с ними обращаются! Разве эти сокровища доберутся до Тбилиси? Ведь им нужны особые условия – влажность, температура хранения, состояние покоя. Вы обратили внимание, что Кустодиев покрывается кракелюрами? Он же просто осыплется!

– Предлагаете никуда не везти?

– Это очень непростой вопрос, Юлия Владимировна, – с тяжелым вздохом ответил Гринберг. – Может быть, стоило все это оставить здесь. Я не знаю. Ведь не полные же вандалы эти немцы? У них замечательная культура, выдающиеся композиторы, живописцы. Они ими так кичатся! Разве поднимется у них рука все это уничтожить?

– Уничтожить – не поднимется, – сказала Юля и печально улыбнулась. – А вот увезти к себе в логово и разместить по частным коллекциям, где их никогда не увидит простой народ, это вполне возможно. Вы собрали свои вещи, Яша?

– Не поеду никуда, – буркнул Гринберг и отвернулся. – Провожу вас в порт, закончим погрузку и домой вернусь. Вы же знаете, Юлия Владимировна, что мои родители очень больны. Они нетранспортабельны, да и сами не хотят никуда уезжать. Повторяю свою мысль. Ведь не варвары же эти немцы...

– Яша, вы очумели? – ужаснулась Юля. – Как вам в голову такое пришло? Простите меня покорно, но вы ведь еврей, да? Вы знаете, что немцы делают с евреями? Вы не читаете газет, не слушаете радио?

– Ах, оставьте, Юлия Владимировна, – отмахнулся Гринберг. – Не хочу никого обвинять, но нам ли не знать о прелестях советской пропаганды? Она из любого человека сделает беса, если в этом кроется политическая выгода. Прошу понять меня правильно, я вовсе не антисоветчик. Но лично вы хоть одного убитого еврея видели? Я вполне допускаю, что совет-

ская пресса несколько преувеличивает. Не уговаривайте меня, я принял решение, остаюсь. Как можно уехать и бросить на произвол судьбы отца и мать? Вы бы покинули своих родителей? Ваше счастье, Юлия Владимировна, что они проживают не в Крыму, и вообще вы человек приезжий. Вы злитесь на меня, коллега? Зачем вы хватаете в одиночку этот окаянный ящик? Давайте помогу.

Они доволокли опечатанный контейнер до выхода из зала, чтобы грузчики лишний раз там не топтались. Юля присела на него, чтобы отдышаться.

– И почему вас, женщин, называют слабым полом? – Яков улыбнулся, уселся рядом.

– Мужчины ошиблись, – проворчала девушка. – Это они слабый пол, причем во всех отношениях.

Вскоре им пришлось подняться – прибыли грузчики. Они снимали со стены последние полотна, складывали их на пол.

Появился капитан Сырцов. Ответственный сотрудник НКВД выказывал все признаки нетерпения. Он хмурился, посматривал на часы, заметил Юлю и начал как-то предвзято, слишком уж профессионально разглядывать ее.

– Уставился на вас как запорожец на турецкого султана, – проворчал, отвернувшись, Гринберг. – Хоть бы палец о палец ударил, чтобы ускорить процесс. Только ищет, кого бы прищучить. Все они такие! Считают, что у каждого должно быть свое дело.

– А разве не так? – не сообразила Юля.

– Я про личное дело в картотеке НКВД. Пусть ты ни в чем не виноват, но добрые дяди позаботятся об этом, найдут состав преступления. Ладно, пусть смотрит, мы потерпим. Бог не ффраер, как говорится. Он все видит и на ус мотает.

Глава 2

Погрузка самых ценных экспонатов закончилась только к четырем часам пополудни. Чтобы вывезти все, чем был богат дворец, потребовалась бы пара эшелонов! Списки на эвакуацию Шабалдин составил еще неделю назад. Сотрудники, остающиеся в городе, обещали унести то, что смогут, и спрятать в укромных местах. Последние ящики грузились в машины.

Шабалдин сидел на корточках посреди двора и делал пометки в мятых листах музейной описи. Его сотрудники понуро переминались с ноги на ногу. Совсем не так они представляли эвакуацию бесценных музейных сокровищ. Если честно, вообще никак не представляли!

– Быстро в порт, никаких перекуров! Развели, понимаешь, бардак! – покрикивал капитан НКВД Сырцов.

Из гаража при музее прибыл, гремя подвеской, старый автобус «ЗИС-8». Музейные работники грузили в него чемоданы, принесенные из вестибюля, рассаживались. Приказа ехать в эвакуацию никто не отдавал, каждый сам принимал решение.

Колонну возглавляла машина с сотрудниками НКВД, за ней тащились два грузовика и автобус. Люди прилипли к окнам.

Канонада не смолкала. Тяжелые бои шли в районе Керчи, в степях южнее Джанкоя. Временами возникали панические слухи. Мол, немцы прорвались к Бахчисараю, а от него прямая дорога на Ялту через яйлу мимо Ай-Петри!

Но эти сведения пока вроде бы не подтверждались. Если немцы и прорвались к горам, то, скорее всего, завязли в изматывающих оборонительных боях. Определенности не хватало, от ожидания людям становилось только хуже.

Войска продолжали движение к Севастополю по южной дороге. Брели солдаты, все измотанные, в окровавленных бинтах. Лошади волокли артиллерийские орудия. Солдаты расступались, пропуская автоколонну.

Навстречу ей двигалось много штатских с чемоданами и сумками. Люди шли поодиночке и целыми семьями. Немецкие самолеты едва ли не каждый день сбрасывали листовки, в которых призывали население остаться на местах. Они сулили процветание без большевиков, работу, зарплату, достойные условия жизни. Не все, похоже, в это верили.

Колонна въехала в порт и подалась к западной оконечности причала. Неподалеку располагались склады, теснились контейнеры для хранения грузов. В этой части причал был пуст. Секретарь горкома распорядился освободить место для «Алазании».

Сотрудники НКВД высадились из машины, жидкой цепью окружили вставшую колонну. Пассажиры покинули автобус, ежились на промозглом ветру.

– Товарищ Шабалдин, приказывайте грузчикам выгружать свое хозяйство! – прокричал Сырцов.

– Подождите, товарищ капитан. – Директор музея явно растерялся. – А если транспорт не придет? Давайте погодим.

– Выполняйте распоряжение! Неужели вы ничего не понимаете, товарищ Шабалдин? – прошипел Сырцов. – Вы не одни в этом городе. Всем остальным тоже требуются транспорт и грузчики. Немедленно выгружайте контейнеры, подтаскивайте к причалу. Мы ожидаем прибытия теплохода с минуты на минуту.

Началась работа. Музейщики помогали грузчикам, путались у них под ногами. Дул порывистый ветер, носил по причалу мусор, какие-то листовки, то ли наши, то ли немецкие. Облака заметно опустились и плыли, покачиваясь, на юг.

С завидным постоянством грохотала канонада. Людей в порту и на набережной становилось меньше. Прошла на юго-запад потрепанная рота с двумя полевыми пушками, прицепленными к полуторкам, и больше никого.

На рейде остался лишь один сторожевой катер. Второй убыл в неизвестном направлении. Сократилось число посудин, пришвартованных к причалу.

«Ливадия» закончила погрузку. Матросы подняли трап, закрыли лацпорты в бортах металлическими щитами. Теплоход был основательно перегружен. С бортов свешивались люди. Кричали члены команды, призывая пассажиров рассосаться. Все палубы, оба яруса надстройки были забиты народом.

У кормы на задней палубе грудились тяжелые контейнеры, зачехленные брезентом. Этот груз, по-видимому, имел немалое значение. Охрана с примкнутыми штыками образовала мертвую зону, никого не подпускала.

Судно дало звуковой сигнал, грузно оторвалось от причала, но дальше почему-то не пошло. Перекликались члены экипажа, мельтешил на верхней палубе капитан в белой фуражке.

Грузчики и примкнувшие к ним сотрудники музея завершали свою работу. Росла гора контейнеров у причала.

– Охренеть можно! – выразил общее мнение Яша Гринберг, вытер рукавом пот со лба и сел на ящик с нетленными шедеврами Крамского и Куинджи. – Так мы лапти скоро двинем и немцев не дождемся.

– Яша, помолчите! Что вы такое несете? – пробормотала Юля, присаживаясь рядом.

Капитан Сырцов, придерживая кобуру, побежал к зданию портовой администрации.

Послышался гул. Он нарастал, обретал объем, явную угрозу, действовал как дудка, парализующая удава. Все задрали головы, застыли. Холодная змейка побежала по спине Юли. Зашевелились вспотевшие волосы под беретом.

Самолеты шли в нижних слоях облаков. Их очертания смутно проявлялись в серой дымке, напоминали фантомов, прибывших из потустороннего мира. Четыре крылатые машины летели в правильном строю на юго-запад, вдоль береговой полосы. Окрестности Ялты пилотов не интересовали. Самолеты шли на Севастополь, чтобы сбросить там свой груз. Их силуэты проплыли над головами людей и скрылись в мутной пелене. Угрожающий гул постепенно затихал.

Народ выходил из оцепенения, ежился. Сотрудники музея утирали слезы. У кого-то начиналась нервная дрожь. Матильда Егоровна украдкой крестилась.

– «Мессеры четыреста десятые» пошли на Севастополь, – проговорил кто-то из охранников. – Бомбить будут, падлы!

К кучке сотрудников музея подошел, прихрамывая, Шабалдин. Он ссутулился еще сильнее, глубокие морщины обживали серое лицо.

– Все в порядке, товарищи, справимся. Эка невидаль, подумаешь, бомбардировщики. Мы должны набраться мужества, помнить, что в нашей стране случалось и не такое, что у нас великая история...

– А после этой войны будет еще вели... – начал Гринберг и задумался. – Величье? Нет.

– Величавее, величественнее, – монотонно пробубнила молодая и образованная Лиза Царицына.

– Более великой, – подсказал Шабалдин. – Безграмотно, но верно. Гринберг, перестаньте расхолаживать наших дам! Что вы все бубните? Будьте мужчиной, в конце концов. На вас женщины смотрят!

– Простите, Аркадий Петрович, у меня характер скверный, – пробормотал Гринберг, опуская голову. – Вроде нет причины для меланхолии, а она как-то сама собой образуется. Конечно, вы правы, жизнь прекрасна и удивительна. Мы все полны оптимизма и жизненной энергии, можем поделиться частичкой нашего положительного заряда с теми советскими гражданами, которые в этом нуждаются.

С пристани доносились крики. По верхней палубе «Ливадии» бегали люди. Взревел двигатель, за кормой вспенилась вода. Тяжелое судно, покачиваясь на волне, медленно отходило от причала.

Люди на пристани махали шапками и платочками. С теплохода им отвечали тем же. Пассажиры толпились у борта. С каким-то механическим безразличием взирали на происходящее охрана груза, закрепленного на палубе.

Судно быстро разворачивалось носом в открытое море. Бурлила вода над гребным винтом.

«Дай им бог благополучно доплыть, – подумала Юля, и в ее голове вдруг возникла странная мысль: – Надо бы украдкой, чтобы никто не увидел, сбегать в церковь и поставить свечку за здоровье всех – и тех, кто уплыл, и тех, кто остался. Бога, конечно, нет. События последних месяцев это наглядно подтверждают. Но вдруг?..»

Судно удалялось, плавно забирало на восток, к Аю-Дагу. Местные жители называли эту глыбу Медвежьей горой.

Люди расходились с причала.

К нему подъехали легковые машины. Какие-то личности в шинелях начали переносить на борт пришвартованного катера оцинкованные ящики.

Грохот теперь доносился не только с востока, но и с запада. Там рвались тяжелые авиационные бомбы.

– Долетели, мать их! – как-то обреченно вымолвил Гринберг.

Бомбежка продолжалась. Самолеты несколько раз заходили на круг, перемалывали наспех возведенный севастьяпольский укрепрайон.

Матильда Егоровна зарыдала взахлеб, вдруг замолчала, закрыла лицо ладонями и погрузилась в оцепенение.

– Вот и они, – с театральным вздохом прокомментировал Гринберг. – Неврозы, тяжелые депрессии, навязчивые состояния. – Он тоже провалился в ступор.

От здания портовой администрации к сотрудникам музея как-то неуверенно приближался капитан Сырцов. Он кусал губы, непонятно хмурился и словно сомневался, в правильном ли направлении движется.

В этот момент все и случилось! Перегруженная «Ливадия» уже находилась на траверзе горы Аю-Даг, милях в трех от берега. Раздался резкий рев, от которого заложило уши. Из-под облаков, серевших над головами людей, вынырнул немецкий «Хейнкель-111» – средний бомбардировщик-торпедоносец. Он на малой высоте промчался над набережной и понесся, пронзительно ревя, к уходящему теплоходу. Люди запоздало закричали, а что толку?

Самолет снизился до критически малой высоты, от него что-то отделилось. Он стремительно взмыл вверх и пронесся над судном, набитым пассажирами.

Поначалу люди не поняли, что их ждет беда. Не все заметили торпеду, соскользнувшую с подвески. Потом наблюдатели обнаружили белесый след, тянувшийся за ней, и истошно закричали. Но как можно было повернуть такую махину, как «Ливадия», в считанные секунды?

Торпеда пробила корму ниже ватерлинии. Отсеки трюма, в которых не предусматривались герметичные переборки, мгновенно наполнились водой. Даже с берега было слышно, как на борту кричат люди.

Все, кто остался на набережной, застыли в ошеломлении. Люди не верили своим глазам. Но факт остался фактом – хватило одной торпеды, чтобы потопить многотонную громаду!

Нижние палубы заливала вода, судно накренилось. С него падали люди. Сорвались с крепежей грузовые контейнеры, посыпались за борт как детские кубики.

Толпа рванула вверх, к носовой части, но крен продолжал расти. Судно буквально становилось на дыбы. Кормовая часть стремительно уходила в воду.

Люди сыпались с борта как горох, захлебывались, тонули. Кто-то спрятался за надстройку, другие ползли на нос, цеплялись за элементы судовой конструкции, но срывались, катились вниз. Падали мачты, скрывались под водой огромные трубы.

Настал момент, когда на поверхности остался лишь нос теплохода, на краю которого копошились люди, но и он погружался. Забурлила вода, вспенились волны. Среди них мелькали головы. Их было совсем немного.

На набережной творилось что-то невероятное. Люди с криками бросались к парапету, плакали, женщины рвали на себе волосы. У какого-то мужчины случилось помутнение рассудка. Он чуть не бросился в ледяную воду спасти своих близких. Его с трудом оттащили. Расстояние до места трагедии было больше пяти километров. Выли бабы, ругались мужчины, кто-то запоздало грозил кулаком хмурому небу.

На борту «Ливадии» находились не меньше семи тысяч пассажиров. Все они в мгновение ока оказались в пучине.

– Мама дорогая!.. – Матильда Егоровна неистово крестилась. – Да что же это делается?

– Юлия Владимировна, скажите честно, это галлюцинация? – жалобно проныл Гринберг и дернул девушку за рукав.

Аркадий Петрович Шабалдин окончательно ссутулился, глаза его померкли. Он растирал их, моргал, тяжело дышал, пристраивал на нос запотевшие очки.

Юля чувствовала, что в горле у нее застрял неодолимый ком. Липкий страх полз по телу.

Запоздало спохватилась команда сторожевого катера, стоявшего на рейде. Судно развернулось и устремилось, разрезая волну, к месту катастрофы.

У пирса нашелся еще один исправный катер. Моряки лихорадочно отвязывали канат от кнехта, рулевой запускал двигатель.

С улочек, спускающихся к причалу, бежали люди, всматривались вдаль. К месту затопления теплохода с разных сторон приближались два катера. Если к этому моменту в воде и оставались головы, то за волнами их невозможно было разглядеть.

К кучке людей, стоявших у оконечности причала, медленно подошел Сырцов. Губы его тряслись. Он тоже все видел. На борту «Ливадии» помимо раненых и штатских находились коллеги капитана.

– Товарищ Шабалдин, я вынужден сообщить неприятную для вас новость, – объявил он дрожащим голосом. – Судно «Алазания», которое должно было забрать груз, доставленный из Марининского дворца, получило серьезные повреждения четыре часа назад, на выходе из порта Поти. Оно столкнулось с подводным препятствием. Теплоход остался на плаву, но полностью выведен из строя и отбуксирован в док для ремонта, который займет не один день.

– А что, немцы подождут, – вдруг заявил Гринберг. – Мы объясним им, что еще не время входить в Ялту.

Особист так на него посмотрел, что у Якова начисто пропало желание язвить.

– Подождите, товарищ капитан. Что вы хотите сказать? – Шабалдин растирал виски, пытаясь вникнуть в то, что сейчас услышал. – Значит, «Алазания» за нами не придет? Но ведь руководство в таком случае обязано послать за нами резервный транспорт, да?

– Боюсь, Аркадий Петрович, что вы плохо понимаете сущность текущего момента. – Чекист посмотрел на директора музея так, словно гирей его придавил. – Резервного транспорта нет и быть не может. Прибрежная зона, как вы сами видите, контролируется немецкой авиацией. Не думаю, что кто-то рискнет сюда пробиться. Военные суда выполняют задачу, поставленную им командованием. Транспорта не будет, товарищ Шабалдин. Никто за вашими сокровищами не придет. – Он чуть помялся и добавил: – Я сожалею.

– Но как же вы? – пробормотал Шабалдин. – Ведь вас сюда прислали именно для того, чтобы вы оказывали нам всяческое содействие.

– Во время транспортировки и погрузки груза на корабль, – уточнил Сырцов. – В данный момент командование поставило перед нами другую задачу. Мне сообщили ее по телефону в портовой конторе. Я должен срочно прибыть со всеми людьми в эвакуируемый горком. Так что вынужден вас оставить, товарищ Шабалдин. – Сырцов опять помялся и продолжил: – Есть и еще одна неприятная новость. Автомобили и грузчиков я забираю. Все это требуется в горкоме.

– Но что нам делать, капитан? – в отчаянии воскликнул директор музея. – Мы не можем все это оставить немцам! Здесь произведения искусства, бесценные творения мировой живописи!

– Это не мои проблемы, товарищ Шабалдин. На ваш счет у меня больше нет указаний. Я вынужден выполнять приказ. Ну, хорошо, – пошел на уступку Сырцов. – Я сообщу о вашей проблеме секретарю горкома. Возможно, начальство что-нибудь придумает. Но прошу зарубить на носу, товарищ Шабалдин, что ни одно судно в этот порт больше не придет!

Последнюю фразу Сырцов завершал уже на бегу. Он собирал своих солдат, матерно кричал на водителей грузовиков. Сотрудники НКВД забирались в машину. Через полминуты колонна из трех автомобилей покинула территорию порта.

На причале остались кучка замерзших, испуганных людей, груз, перевезенный сюда, и автобус «ЗИС-8», из которого выглядывал расстроенный водитель.

– Ну и бардак, – протянул Гринберг.

Все остальные подавленно молчали. Возникшая проблема отодвинула на задний план трагедию «Ливадии». Дело близилось к вечеру. Усиливался ветер. Волны захлестывали парапет, раскачивали неисправные катера, пришвартованные к пирсу. У причала все еще толпились люди.

К бетонному парапету подошел сторожевой катер. Моряки спускали по трапу мокрых потрясенных людей. Они шли как неживые, глядели на мир пустыми глазами. Всех знобило. Восемь человек, все молодые, в их числе две женщины. Сердобольные члены экипажа укутали их в одеяла, помогали сойти на причал.

Слышались радостные крики. Кто-то обнаружил свою родню. Но таких счастливиц было мало. Несколько тысяч человек одним махом отправились на дно.

– Что будем делать, Аркадий Петрович? – спросила Юля.

Ее душил кашель, она с трудом сдерживалась.

– Надо ждать, Юлия Владимировна, – ответил Шабалдин и сокрушенно вздохнул. – Нас не могут бросить, ведь мы перевозим воистину стратегический груз.

Несколько часов трое мужчин и восемь женщин чахли над своими сокровищами. Никто их не грабил, не терроризировал. Очевидно, криминальный элемент был не в курсе текущих событий. Женщины достали из багажа теплые вещи, мужчины собрали обломки деревянной тары, развели костер.

Прекратилась канонада. Немцы воевали по расписанию. Отбомбившиеся бомбардировщики давно убралась восвояси. Пристань опустела. Никто еще не знал, что на ближайшие двое суток в городе воцарится безвластие. Советы уйдут, немцы еще не подтянутся.

Люди жались друг к другу вокруг костра, опасливо смотрели по сторонам. Водитель автобуса Репнин на всякий случай вооружился гвоздодером. Народ в основном молчал. Что тут скажешь? Не ругать же безответственную советскую власть, вернее, ее отдельных представителей.

Люди вытягивали шеи, прислушивались. Иногда с набережной долетали подозрительные звуки. По ней отходили остатки арьергардных частей Красной армии. Немцы не появлялись. В городе кое-где возникали пожары. Догорала электростанция, которую никто не тушил, и Мордвиновские склады. Тучи озарялись сполохами пожарниц. Жители, оставшиеся в Ялте, прятались по своим домам.

Ночь прошла на нервах. С первыми светлыми бликами Шабалдину стало окончательно ясно, что начальство про них забыло. Он принял решение. Весь груз надо вернуть в музей! Сколько можно ждать у моря погоды? Немцы не дикари, не будут уничтожать коллекцию.

Водитель подогнал автобус. Голодные, продрогшие люди грузили ящики в салон, тужились, восьмером запихивали их внутрь через заднюю дверь. Половину сидений Репнин выломал ломом, освободил место. Ящики ложились друг на друга. Женщины едва не падали от невероятной усталости. В автобус вошла только половина музейных сокровищ.

Шабалдин припустил, хромая, к портовой управе, вскоре вернулся с ключами от двух стационарных контейнеров. Фигура директора художественного музея имела в этом городе некий вес даже сегодня.

Потом мужчины и женщины волоком затаскивали оставшиеся ящики в контейнеры. Двери Шабалдин запер на ключ и опечатал портовой пломбой. Все его подчиненные с трудом волочили ноги.

Вскоре автобус двинулся по пустой дороге, мимо опустевших кварталов, вскарабкался на холмы и оказался в Элидии. В императорском дворце и церкви, примыкающей к нему, уже хозяйничали мародеры. Там мелькали смутные личности, прятались от шума мотора. В Марининский дворец грабители пока не пришли.

Ящики были выгружены на крыльцо. Репнин сбегал во флигель и вернулся оттуда со старой дедовской берданкой, отчего стало значительно легче. Люди, отдуваясь, затаскивали коллекцию в вестибюль.

– Ну, вы, дамы, даете! – проворчал себе под нос Яша Гринберг. – У меня уже руки отнимаются, а вам хоть бы хны.

Вернуться в порт за второй половиной коллекции сотрудники музея не смогли. В одиннадцатое утра Парковую улицу огласил шум. Сначала захлопали винтовочные выстрелы, потом разразилась пулеметная трель. Небольшое подразделение Красной армии отбивалось от немцев, висящих у него на хвосте. Бой продолжался несколько минут.

Музейные работники попрятались в здании. Раздался топот, захрустел гравий под ногами. По тропинке к музейным воротам подбежали три человека в советской военной форме. Один из них был офицером, сохранил фуражку на голове.

Они увидели автобус, радостно загалдели и бросились к нему. Один запрыгнул в кабину, схватил ключ зажигания, брошенный водителем на сиденье.

Возмущенный Репнин выбежал на крыльцо. За ним хромотал Шабалдин.

– Товарищи, в чем дело? – прокричал он. – Что вы себе позволяете? Этот автобус – собственность музея!

Красноармеец не слушал его, запустил двигатель. Второй боец запрыгнул внутрь через переднюю дверь.

– Товарищи, это вынужденная мера! – заявил офицер и тоже бросился к автобусу. – Транспорт изъят в пользу Красной армии! Не обижайтесь, люди! – перешел он на нормальную речь. – У нас много раненых, их не на чем увозить. Немцы на пятки наступают, насилу отбиваемся!

– Забыл добавить «в пользу победоносной Красной армии», – пробормотал Яша Гринберг, быстро покрываясь какой-то синью.

– Товарищ, постойте! – опомнился Шабалдин. – Это что же получается? Немцы уже здесь, они взяли Ялту?

– Не знаем, товарищ! – выкрикнул офицер и исчез в чреве автобуса. – Мы отходили, попали под обстрел. Думаю, это диверсанты или передовой отряд, производящий разведку боем. Не выходите из здания, товарищи!

Автобус, чадая выхлопом, покатил на Парковую улицу.

Там какое-то время продолжалась стрельба. Потом она утихла. Было слышно, как натужно работал двигатель.

Люди попятились обратно в музей, закрыли тяжелую дверь. Женщины сбились в кучку, дрожали.

– Аркадий Петрович, что это значит? – подала голос Анна Васильевна Бахмутова, дама не первой молодости. – Мы не сможем забрать те наши экспонаты, которые оставили в порту?

– Эх, Анна Васильевна!.. – Шабалдин с убитым видом вздохнул. – Боюсь, что этим наши проблемы не исчерпываются.

Он оказался прав. На дороге снова вспыхнула стрельба, потом прервалась. Установилась хрупкая тишина. Она не могла продолжаться долго.

Затишье сменилось треском мотоциклетных моторов. Он нарастал, становился отвратительным, лающим. Вскоре из-за деревьев вынырнула пара новеньких немецких мотоциклов с колясками, в которых сидели пулеметчики.

Солдаты смотрелись грозно – здоровенные парни в характерных касках. На физиономиях водителей – огромные мотоциклетные очки. Они щеголяли буро-серыми защитными комбинезонами с тактическими жилетами. У советских солдат ничего подобного не было.

Постреливая черными выхлопами, мотоциклы обогнули фонтан и устремились к парадному входу. Немцы заметили приоткрытую дверь, что-то кричали, тыкали в нее пальцами. Пулеметчики припали к прикладам.

Люди в фойе застыли от страха, жались друг к другу. На их счастье, солдаты передового отряда не стали стрелять и швырять гранаты. Мотоциклы затормозили у крыльца. Пулеметчики остались в люльках, остальные запрыгали через ступени, передергивая затворы коротких автоматов.

Немцы ввалились в фойе, обнаружили там кучку перепуганных людей, явно гражданских, не имеющих никакого оружия, и дружно засмеялись.

Худощавый солдат с остроконечным лицом и насмешливыми глазами поцокал языком, озирая трясущийся персонал знаменитого дворца. Потом он как-то вкрадчиво подошел к ним, перекатываясь с пятки на носок.

Люди замерли. Они не знали, как себя вести. Что им делать – улыбаться, приветствовать долгожданных освободителей от большевистского ига, обрушиться на них с беспощадной руганью?

Военнослужащий вермахта что-то бросил своим товарищам. Те снова засмеялись.

– Послушайте, господа, мы мирные люди... – начал Шабалдин, но упитанный немец бесцеремонно отстранил его стволом.

Он взглянул на бледную Матильду Егоровну, поднял автомат, резко выдохнул:

– Пуф!

Матильда Егоровна вздрогнула и икнула.

Это еще больше развеселило немцев. Худощавый солдат приблизился к водителю Репнину, который машинально сжимал в руке гвоздодер, пристально уставился на эту стальную штукину, резко выбросил лающую тираду.

– Сдаюсь, – пробормотал Репнин, опуская голову.

– Ты руки забыл поднять, – тихо подсказал ему Яша Гринберг.

Внимание немцев тут же переключилось на него. Они, не сговариваясь, уставились на парня и заулыбались. Владелец упитанной физиономии поманил Яшу пальцем. Тот, поколебавшись, шагнул вперед, облизнул губы. Немец пытливо изучал его лицо. На физиономии солдата образовалось что-то странное.

– Юде? – поинтересовался он.

Яша сделал выпуклые глаза и лихорадочно замотал головой.

Немцы прыснули. У них сегодня было превосходное настроение.

Неизвестно, чем закончилась бы эта вот процедура знакомства, но тут из дворцового парка донесся шум. Вокруг фонтана описывал круги еще один мотоцикл. Пулеметчик что-то кричал своим сослуживцам, махал руками. Мотоцикл завершил оборот вокруг монументальных каменных львов и покатил обратно, к выезду с дворцово-парковой территории.

Немцы спешно засобирались. Гринберга они оставили в покое. Только мордатый солдат перед уходом по-приятельски похлопал его по плечу, хитро подмигнул.

Люди в камуфляже скатывались по парадной лестнице. Заводились мотоциклы, экипажи рассаживались по местам. В смрадном дыму они уносились по парку. Колеса выбрасывали цветную гальку из пешеходных дорожек.

Вскоре гул затих. Со стороны дороги простучали несколько очередей. Их глушила шеренга кипарисов и ливанских кедров. Потом наступила звенящая тишина. Люди облегченно выдыхали, выбирались из оцепенения.

– Неужели пронесло? – пробормотала Анна Васильевна Бахмутова. – Они уехали, да?

– Но что-то мне подсказывает, что они вернуться. Это просто разведка, основные силы еще на подходе, – убитым голосом проговорил Яков. – Послушайте, товарищи, я что, такой заметный?

– Да, Яша, ты очень заметный. Даже больше, чем ячмень на глазу, – подтвердил Репнин, с изумлением разглядывая гвоздодер, сжатый в руке.

Он покосился на женщин, попытался приободрить их улыбкой и сказал:

– Что, гражданки, перепугались? Боимся, когда страшно? Все в порядке, что вы такие неживые? Немцы как немцы, рогов на башках вроде не видно. Морды не русские, но как вы хотели? Что делать будем, Аркадий Петрович?

– Надо работать, товарищи, – сглотнув, пробормотал Шабалдин. – Никто за нас ничего не сделает. Фашисты не вечны. В отличие от искусства. Товарищи, за работу! – Он встряхнулся, окончательно избавляясь от прилипчивого наваждения. – Все, что мы привезли, надо поместить в подвалы, хорошенько запереть, а потом проработать вопрос по возвращению из порта второй части коллекции. Юлия Владимировна, дорогая, с вами все в порядке?

По щекам девушки текли жирные слезы. У нее не было причины не заплакать.

Глава 3

8 апреля 1944 года

– Приступаем к снижению! – проорал сквозь треск мотора второй пилот, высунувшись из кабины, тут же исчез и захлопнул дверь.

«Ладно, хоть не к падению», – подумал Вадим, зашевелился, выбираясь из полусна, повернулся к узкому иллюминатору.

Громоздкое снаряжение не давало ему особо разгуляться.

Фосфорные стрелки часов показывали пять минут второго. За бортом военно-транспортного «Ли-2», который сегодня перевозил единственного пассажира, царила глухая темень. Самолет входил в плавный вираж, одновременно сбрасывал высоту. Вадим это чувствовал по неприятным ощущениям в горле. Он подтащил к себе тонкий кожаный шлем, натянул его на стриженую голову, застегнул ремешок под подбородком и принялся всматриваться в темноту.

Она понемногу расплывалась. Возникали ломаные очертания внешней гряды Крымских гор. За ними показалась внутренняя, потом и южная. Открылся берег всесоюзной здравницы, переживающей последние дни оккупации. Его омывало бескрайнее Черное море.

У Вадима осталось несколько минут на то, чтобы собраться, привести себя в порядок. Он ощупал снаряжение, откинул голову. Фюзеляж трясло, закладывало уши. В транспортно-пассажирском отсеке горела тусклая лампа, свет дрожал, растекался по бортам, усеянным заклепками, по жестким откидным сиденьям.

«Такая махина для вас одного, ваша светлость», – мелькнула смешная мысль.

Капитан Вадим Сиротин, сотрудник контрразведки СМЕРШ Приморской армии, закрыл глаза, прогнал из головы все навязчивые мысли. Армия должна была наступать из района Керчи вдоль Южного побережья. Когда начнется наступление, никто не знал. Это могло произойти завтра, через две недели или вообще к Первомаю – Дню международной солидарности трудящихся.

Пробиться вдоль берега самолет не мог. В одной лишь Ялте стояло не меньше десятка зенитных батарей. Экипажу пришлось заходить с севера, со степей, узким коридором, в котором, согласно данным армейской разведки, немецких зенитчиков не было. Обратно самолет пойдет морем, даст изрядный крюк.

Из кабины вышел второй пилот, перебирая руками, добрался до двери, встал возле нее.

Потом он повернул к Вадиму бледное лицо и крикнул:

– Мы их видели, товарищ капитан! Три костра треугольником справа по борту, уже летаем. Ветер переменный, может отнести, будьте готовы ко всему. Давайте! – Пилот распахнул дверь, и в салон ворвался свежий ветер.

Вадим поднялся и двинулся вдоль борта, расставляя ноги, чтобы не упасть. Парашют за спиной, вещмешок приторочен к поясу.

Черная бездна распахнулась перед глазами капитана. Ночка выдалась безлунной. Справа, почти под бортом, мерцали три огонька. Это были костры, разведенные на склоне громадной горы партизанами товарища Сазонова. Значит, ждут его.

– Спасибо, лейтенант! – крикнул Вадим. – Счастливо вернуться на базу!

Поправку на ветер делать было бессмысленно. Его направление менялось каждую минуту.

Он шагнул в бездну. Воздушные потоки подхватили его и понесли, дыхание перехватило. Капитан видел, как приближается земля. Обретали резкость очертания скал и темные пространства, занятые густым лесом.

Земля уже была рядом. Он дернул кольцо. Распахнулся купол парашюта. Вадима рывком потащило вверх, он схватился за стропы. Четвертый прыжок за войну, мог бы уже привыкнуть, но все равно замирало сердце, грудь распирало от какого-то глухого протеста.

Он плавно снижался. Приближались гребни известняковых скал, извилистые островки леса между этими каменными изваяниями, обрывы, пропасти. На юге тьма-тьмущая. Ялта и Элидия где-то слева, их не видно за оборванными краями плато.

Дыхание капитана восстановилось. Он рыскал глазами, отыскивал огоньки костров, но не видел их. Они спрятались за лесом и горными склонами. Его действительно сносило ветром.

Он натянул стропу, чтобы не врезаться в каменный склон, и тут же пожалел об этом. Лес стремительно приближался.

Парашют зацепился за макушку какого-то хвойного раскидистого дерева. В плече Вадима вспыхнула боль, и он повис в полутора метрах от земли. Проклятый двоечник!

Через несколько секунд капитан успокоился, отбросил подальше боль в плече. Ничего особенного, просто ссадина. Неудобно было висеть между небом и землей. У офицера контрразведки возникло такое чувство, будто он щенок, которого кто-то держит за шкуру.

В округе было тихо. Буркнула разбуженная птица и заткнулась. Простучали по стволу чьи-то лапки, и снова все смолкло.

Вадим поднял голову и увидел, что купол парашюта запутался в перехлестах ветвей, стропы обвилились вокруг сучков. Ночью с воздуха никто не разглядит, но вот днем!..

Он дотянулся ногами до основания толстой ветки, зацепился за нее тыльной стороной пятки, подтянулся. Второй ногой капитан обхватил ствол, высвободил руку, скрученную спиралью, дотянулся, извиваясь, до пояса, извлек из чехла складной нож. Сработал кнопочный механизм.

Вадим осторожно перерезал стропу, затем другую и вовремя закинул обе ноги за ветку, иначе повалился бы вниз головой. Вытянутые руки почти касались земли.

Ему мешали вещмешок и парашютный ранец за спиной. Но с физической подготовкой у капитана СМЕРШ проблем не было. Он совершил подъем переворотом, поменял ноги на руки... и грузно повалился в траву, лишь чудом не подвернув лодыжку. Ладно, свидетелей бесславного падения вроде не было, никто не обсмеет.

Сосна, на которую сверзился Вадим, была какой-то «нестандартной» – изогнутой, чрезмерно крупной, обросшей ветвями. Он стащил ранец, отцепил от пояса вещмешок и снова полез на дерево, благо ветки позволяли карабкаться как по лестнице.

Несколько минут ушло на то, чтобы перерезать запутавшиеся стропы, стащить с дерева ободранный шелк. Все парашютное хозяйство, включая шлем, капитан сунул в какую-то яму, утрамбовал ногами, завалил лапником.

Сиротин обнажил ствол «ТТ», несколько минут сидел, привалившись к дереву, прислушивался к звукам леса. Пахло хвоей, травой. Здесь, в Крыму, какие-то свои, особенные, неповторимые запахи.

Он извлек из кармана компас, сориентировался. Ветер не мог отнести его далеко. Партизаны видели самолет, будут искать.

Через несколько минут из леса вышел человек, мало напоминающий парашютиста. Брезентовая куртка, мешковатые штаны, удобные немецкие короткие сапоги. Вещмешок занял свое законное место за спиной.

Вадим пересек поляну, вышел на край обрыва, присел на корточки. Перед ним простиралась сложная пересеченная местность – канавы, кустарники, заросли можжевельника, напоминающие мотки колючей проволоки.

Чтобы спуститься с террасы, ему пришлось вернуться на восток по узкой извилистой тропке. Он рискнул включить фонарик, чтобы определиться. Дальше капитан опять двигался

в темноте, перебирался через каменные завалы. Вадим бегом пересек опрятную буковую рощицу, пробрался по камням вдоль обрыва и забрел в густой хвойный лес, который оказался не таким уж протяженным.

Он отдыхал, привалившись к дереву, снова сверился с компасом, покурил в рукав. Вадим изрядно вспотел, расстегнул куртку.

В Крым пришла весна. Ночные температуры стали вполне терпимыми. Облака сбегались в основном ночью, днем вовсю светило и пригревало солнышко. На деревьях распускались листья, зеленела трава.

Вадим поднялся, вышел на поляну. Луна пробилась сквозь тучи, озарила лес, изогнутый волной. Капитан присел на корточки, потом лег. Ему показалось, что ветер донес до него какие-то приглушенные голоса. Но больше он ничего не слышал, сколько ни напрягался. Да, могло и померещиться.

Он переполз через поляну, снова вступил под полог растительности и двинулся на юг.

«Не заблудиться бы в этом хаосе», – закралась ему в голову неприятная мыслишка.

Капитан выбрался на следующую поляну, где его и поджидал сюрприз.

– Стоять, руки вверх! – прокричал кто-то задорно и звонко.

Вадим послушно встал и нащупал в рукаве компактный браунинг, зафиксированный резинкой.

«Вроде не немцы, – подумал он. – Но в Крыму хватает и полицаев, набранных из местных предателей. Партизаны Сазонова должны меня ждать. Есть пароль и отзыв».

Но эти трое подходили без всякого пароля. Двое растеклись по поляне, крались вдоль кустов, что было в общем-то грамотно. Третий шел прямым курсом, выставив вперед немецкий «МП-40».

Луна продолжала поблескивать, озаряла поляну рассеянным светом. Тучи стали разбегаться.

– Кто такой? – бросил мужчина с автоматом, предусмотрительно остановившись за пару метров. – Руки, говорю, вверх, да повыше! Не понимаешь, что ли? – Он говорил с характерным южным акцентом.

Лунный свет обрисовал этого субъекта. Молодой жилистый парень, чернявый, тонкие усики под носом, папаха по-казацки заломлена на затылок. Тонкий бушлат обтягивал торс. Он подозрительно разглядывал человека, стоявшего перед ним с поднятыми руками.

– Никто, – сказал Вадим. – Гуляю. А ты кто такой? Вам вожатые в «Артек» не нужны?

Последние слова прозвучали глуповато, но таков уж был пароль.

– Чего? – протянул парень, передергивая затвор. – Какой еще на хрен «Артек»? Ты что несешь, дядя?

Вадим не ожидал такой реакции.

«Какой я тебе дядя? – устало подумал Сиротин. – Постарше лет на шесть. Похоже, и поумнее буду».

– Пионерский лагерь такой, – пояснил он. – Здесь недалеко, под Медвежьей горой. Ты должен знать.

Двое спутников этого типа обследовали кусты и встали за спиной офицера контрразведки СМЕРШ. В позвоночник его уперся ствол.

– Чернуля, что он мелет? – проворчал сзади один из этих ребят. – Это же фашистский шпион, падла полицейская! Шныряет по лесу, разнюхивает про нас. Хрен тебе, сука, а не база товарища Сазонова! – Он надавил на свое оружие с такой силой, что ствол чуть не продырявил контрразведчика.

Вадим усиленно размышлял, старался держаться спокойно.

«Эти трое могут сами оказаться полициями. Они провоцируют меня, называют фашистским шпионом, упоминают про товарища Сазонова, чтобы я выдал себя. Откуда взялись эти фрукты?

Браунинг в моем рукаве – штука полуавтоматическая. Незачем после каждого выстрела взводить курок. Я могу мигом уложить всю компанию. Они и чихнуть не успеют».

– Значит, не хочешь говорить, что ты за хрен с горы? – Чернуля усмехнулся. – А ну-ка стряхивай мешок, руки за голову! Да не шевелись, сука!

Вадим подчинился, выжидал, придерживая пальцами пистолет в рукаве. Парень обыскивал капитана весьма бесцеремонно. От него пахло чесноком и самогонной сивухой. С вечера он вряд ли потрещал, а вот намеренно определенно позволил себе расслабиться.

«Будет ли полиция шараться по темному лесу, напичканному партизанами? – возник резонный вопрос в голове Вадима. – Значит, они сами партизаны либо просто бандиты, обыкновенные уголовники».

– Ну ты и хитрюга! – вдруг взревел человек, стоявший сзади, и с хрустом вывернул руку контрразведчика.

Браунинг не удержался, выпал в траву.

Этот парень схватил Вадима за шиворот, швырнул на землю, оседлал его. Какие наблюдательные! Он терпел, не сопротивлялся, стиснул зубы.

– Ладно, дадим тебе второй шанс, – сказал Чернуля и опустился рядом.

– Может, сперва по морде? – предложил его товарищ, и все они непринужденно загоготали.

– Мужики, отпустите, я свой, – прохрипел Вадим.

– Какой ты свой, если даже не спросил, кто мы такие? – осведомился Чернуля. – Сейчас посмотрим, какой ты свой. Две пушки у тебя уже нашли, нож, компас. Не похож ты, дядя, на лесника. А ну-ка, глянь, Дениска, что за добро у него в мешке.

– Батюшки-светы! Да вы только полюбуйтесь, братцы! – Этот самый Дениска вытряхнул содержимое вещмешка в траву, распиная ногой. – Да это же шмотье фашистского офицера! Погоны капитана, мать его! Фуражка, сапоги, френч, штаны. Да он точно фашист проклятый, хлопцы!

Вадим задержался.

«Какие же идиоты! Никакие они не полицаи, просто дураки. Стал бы немецкий офицер таскать с собой свое обмундирование?»

– Смотри внимательнее, Дениска, – приказал Чернуля. – Может, там и документики имеются?

– Ага, имеются, – подтвердил тот и включил фонарик. – Сейчас посмотрим.

Документы в карманах мундира действительно имелись. Офицерское удостоверение, фотографии родных и близких, а также письмо от любезной супруги Розалинды из Штутгарта, выполненное на качественной немецкой бумаге.

– Чернуля, это аж целый гауптман Вольфганг Мориц! И фотография его. Самые подлинные документы. Уж я-то вижу! А смотри, как по-нашему шпарит. Ого, еще одна фотография! Какая очаровательная фрау. Белокурая красotka, все как положено. Слышь, Чернуля, сдается мне, что эта краля его не дождется. А вот нас – уже скоро. Передадим привет от муженька? Чернуля, давай я ему горлышко перережу, а? Стрелять не стоит. Незачем шум поднимать.

– Обязательно перережем, за нами не заржавеет, – заявил Чернуля, разглядывая пленника в свете фонаря. – Мы даже к батяне его не потащим. На хрен он ему сдался? Правильно говорю, приятель? Или мы должны с тобой сделать что-то еще? Эй, ты чего напрягаешься? – Он тряхнул Вадима за плечо. – Терпение лопнуло и по ногам потекло?

– Нет, Чернуля, неправильно ты говоришь, – просипел Вадим. – Ты должен сейчас же отвести меня к товарищу Сазонову, попутно дико извиняясь и сдувая пылинки. Там напоить, накормить...

– Ну ты даешь, фриц! – изумился Чернуля. – А харя не треснет?

– Нет, Чернуля, не треснет. Вы что творите, мужики? – Капитан сдерживался из последних сил. – Немедленно отпустите да вещи мои сложите так, как они и были.

– Вот сука! Не верю своим ушам, – заявил Чернуля и покачал головой. – Я и сам нахал еще тот, но чтобы вот так!.. Кончай его, Дениска!

Разжалась стальная пружина в теле капитана. Чернуля вскрикнул от неожиданности и покатился по траве. Удар пяткой по голени достался второму парню, чтобы тот не успел выстрелить. Третий схлопотал тыльной стороной ладони по виску.

Вадим вырвал у Чернули автомат, отшвырнул в сторону и завертелся как волчок. Стонал партизан с зашибленной ногой, нащупывал в траве свое оружие. Капитану Сиротину жутко не хотелось бить своих, но учить дурачин надо было. Он ударил в челюсть, и парень обмяк. Вадим схватил его за шиворот, чтобы не упал, и с силой толкнул от себя на того типа, который откатился колбаской, но уже с глухим рычанием рвался в бой. Они повалились, их конечности перепутались.

Капитану приходилось работать на два фронта. Чернуля тоже не дремал, поднимался, выплескивая текст, весьма далекий от образцов изящной словесности. Вадим врезал ему в живот, а когда тот согнулся, хлестнул наотмашь по щеке. Впрочем, он не стал вкладывать в удар всю силу.

Сиротин схватил автомат и крикнул:

– Не дурить! Медленно поднимаемся, строимся в шеренгу по одному!

Обнаглели совсем! Целого офицера контрразведки в грош не ставят!

Пока они с кряхтением поднимались и чесались, он отбросил подальше их оружие, вернул обратно собственные «ТТ», браунинг, нож, компас, затолкал в вещмешок форму офицера германской армии, не забыл про качественно изготовленные документы и прочие бумаги, подтверждающие личность гауптмана Вольфганга Морица.

Горе-партизаны исподлобья поглядывали на него, обретали вертикаль. У одного болела нога, у другого – живот, у третьего – неразумная черепушка.

– Рискну предположить, бойцы, что вы находитесь в подчинении товарища Сазонова, командира партизанского отряда, действующего в этом районе, – объявил пришелец с неба. – Рад представиться. Капитан контрразведки СМЕРШ Сиротин Вадим Викторович. Прибыл в ваши пенаты с секретной миссией, знать о которой вам не положено. Ваше оружие я пока придержу. Ведите в отряд.

– Чернуля, ты сел в лужу! – донеслось из кустов, и на поляну вышли еще двое.

Вадим резко повернулся.

Они все слышали и даже видели, но оружие на него не наставляли. Фуфайки, советские пилотки, автоматы «ППШ». Один был белобрыс, на вид простоват, добродушно ухмылялся. Второй постарше, приземист, серьезен. Он настороженно вертел головой.

– Пароль скажите, товарищ капитан, – предложил Вадиму белобрысый парень. – Вы их здорово отлупили. Петька будет знать, как лезть туда, куда его не просят. Мы видим, что вы свой, но все же без пароля...

– Вам вожатые в «Артек» не требуются? – повторил Вадим не больно-то мудреную фразу.

– Да взяли уже одного студента, – ответил партизан. – Тощий, некормленный, но детей уж больно любит. Семен Белоусов, – назвался парень. – Офицер по особым поручениям, так сказать, при Василии Лукиче. Дмитрий Шендрик. – Он кивнул на своего соседа. – А это наши апостолы. – Семен покосился на пристыженных бойцов. – Позывной у них такой и кодовое

слово для прохода через посты. Разведчики, так сказать. Петька Чернуля у них за главного. Фамилия у него такая. Некстати сегодня ваши дорожки пересеклись.

«Остолопы они, а не апостолы», – подумал Вадим и спросил:

– Почему так криво сработали, Семен?

– Будем разбираться, – сказал тот и вздохнул. – В Элидию их Сазонов послал, к связному за свежей информацией. Через Шайтан-гряду должны были возвращаться, а не здесь. Что за дела, Чернуля?

– Да ближе тут, – буркнул незадачливый партизан. – Вот какого хрена мы бы там пятки топтали, головы разбивали? Рванули напрямую через лес, смотрим, человек идет, к нашей базе крадется. Подумали, что подозрительный. Откуда нам знать про ваши тайные операции? Нас предупредили?

– Анархист ты, Чернуля, – заявил Белоусов. – И чистой воды хулиган. Спец по пьяным выходкам, так сказать. Но боец толковый, чего уж там, – добавил он. – Храбрый, отчаянный, сорвиголова, в общем.

– Чего это я по пьяным выходкам? – возмутился Чернуля. – Да я за наше правое дело!..

– А кто за наше правое дело на той неделе по пьянке немецкий катер в бухте подорвал вместе с содержимым? Мы этот катер две недели окучивали, чтобы целым захватить да в секретный грот переправить. Русским языком было сказано: экипаж на дно, катер в грот. Так какого хрена вы еще и эту посудину утопили, а потом на горе шаманские танцы затеяли, скушали весь шнапс, захваченный у противника? Ох, доведет тебя однажды до греха твоя невоздержанность, Чернуля.

Шендрик вздрогнул и отвернулся. Ему смешинка в рот попала. Похоже, борьба с немецко-фашистскими захватчиками, которую вел отряд товарища Сазонова, была насыщена не самыми скучными эпизодами.

– Вы уж простите нас, товарищ капитан, – миролюбиво проворчал Чернуля. – Не знали мы.

– Ладно, боец, проехали. – Вадим протянул ему руку. – Будет вам урок. И уделяйте больше внимания основам рукопашного боя.

– Мы видели ваш самолет, товарищ капитан, – сказал Белоусов. – Он почти по расписанию прибыл. И ваш парашют засекли. Но отнесло вас. Пошли мы навстречу, а тут такое!.. Пойдемте, товарищ капитан. Отдайте Чернуле свои вещички, пусть тащит.

– Нет уж, спасибо. Я лучше сам как-нибудь управлюсь.

Шесть человек шли по ночному лесу, обходили скалы, нависающие над головами, карабкались на террасы по едва очерченным тропкам. Чернуля и Шендрик двигались впереди, прокладывали дорогу, оповещали о безопасном проходе двойным уханьем совы. База находилась где-то наверху, в лабиринтах Ай-Петринской яйлы.

– Осторожнее тут надо ходить, товарищ капитан, – пробормотал Белоусов, раздвигая густой лапник. – Были у нас две основные тропки, но противник пронюхал о них, пришлось взорвать, скалами завалить да новые протоптать. Потом и те спалились. Мы прокладывали свежие, в обход. Немцы сами в эту глушь не суются. Да им это и не надо. Они прислужников посылают. В Элидии размещены два батальона вспомогательной полиции и несколько взводов так называемой самообороны, куда немцы набирали самое отъявленное зверье. Там, где улица Семнадцатого партсъезда начиналась, фактически между Ялтой и Элидией, фашисты целый тренировочный лагерь разбили. Свозили туда предателей, учили ратному делу. Местные охотно к ним в услужение шли. Русские, украинцы, татары. Из пленных солдат целые добровольные подразделения формировались. Факт остается фактом, товарищ капитан. Людей, недовольных советской властью, находилось с избытком. Кулачье, махновцы, анархисты, беляки недобитые. Две роты прибыли на усиление Ялты с Западной Украины, из-под

Львова. Коммунистов и русских людей ненавидят, даже своих братьев-украинцев с востока за людей не считают. Перед немцами выслуживаются. Так зверствуют, такие изощренные пытки и казни учиняют, что даже немцы удивляются. А еще у них есть отдельная карательная рота, набранная из уголовников. Неприятие большевиков на уровне пищевода. Жили в зонах по блатным законам и здесь продолжают. Их в лагере потренировали, обучили, так от этого они еще страшнее стали. Помню, как-то схлестнулись с этими гориллами. Резкие они, стремительные, общаются только матом, глотки рвут голыми руками. Командир у них тот же, некто Жора Тернопольский. Прежде паханом был, а теперь в убежденного украинского националиста перековался.

– Весело у вас, – заявил Вадим и спросил: – И вся эта свора, не считая немецких и румынских частей, находится в городе?

– Один полицейский батальон отправился на фронт. Наши под Сивашем его в фарш перемалывают. Остальные как с цепи сорвались, трудятся с двойным упорством. Подпольную сеть в городе раскрыли, людей пытали и стреляли вместе с семьями, прилюдно, чтобы все видели и знали. Чуют, упыри, что их шабаш к концу подходит, вот и лезут из кожи, стараются нагадить напоследок. В большинстве своем это не трусы, товарищ капитан. Бывало, что они и на пулеметы бросались. Демоны одержимые, в них ненависти на несколько поколений. Бесятся, знают, что наши уже близко. Мы часто замечаем, как они шныряют вокруг нашей базы, ищут тропки, чтобы пробраться. Хватают и мучают всех, кто может иметь отношение к отряду товарища Сазонова. Могут в засаде сутками сидеть, выслеживать. Так что осторожность прежде всего, товарищ капитан. Чернуля в принципе не виноват. Он же не знал, кто вы такой. Так что вы зла не держите на парня, договорились?

– Я забыл уже, – с усмешкой сказал Вадим. – Нормально, Семен, размялся на ночь глядя. Лишь бы он на меня зла не затаил.

– Не затаит, не бойтесь. Чернуля парень резкий, неуравновешенный, но отходчивый. Натворит чего-нибудь, а потом самому стыдно. В прошлом месяце налет устроил со своими разведчиками на комендатуру в Ялте. Вытащить надо было одного парня из подвала. Гранатами забросали двор, парня забрали да тикать бросились на комендантской тачке. Попутно еще двух баб-подпольщиц из подвала прихватили. Их как раз поутру расстрелять планировали. На базе приютить пришлось. Так одна из них – Лариска Левченко – на Чернулю подсела, втрескалась в него по уши, прохода парню не давала. Он ее матом, а она обратно. Мол, ты меня спас, теперь я навек твоя. Мужики наши ржали как ненормальные. Лариска лет на десять старше Петьки, страшна как немецкая «Пантера», юмора в ней ноль. Чернуля божился, что обратно ее в комендатуру отведет, извинится перед немцами. Потом переправили мы бабу на базу товарища Дымова. Оказалось, что там ее муж законный дожидался. Народ неделю гоготал, горы тряслись. Так, внимание, товарищ капитан, помолчим малость!

Партизаны по одному перебегали за каменную горку, залегали на краю. Под ней простирался обрыв, царствовала темнота. Но величие картины, представшей перед глазами Вадима, было трудно переоценить. Огромное разомкнутое пространство. Гора, на которой они лежали, многокилометровыми уступами сползала к морю. Внизу, в районе берега, поблескивали какие-то огоньки, некоторые из них перемещались. Черное море вздымалось, даже здесь, на горе, различался отдаленный гул прибоя.

Внизу обрывы, кустарники, узкие проходы между глыбами известняка. Свободные пространства поросли лесами, преимущественно хвойными. Прямо по курсу возвышалась гряда зубчатых скал, напоминающая зубы старого пирата, никогда не посещавшего дантиста.

– Шайтан-гряда, – пояснил Белоусов. – Там есть тропка, мы ее заминировали. Как рванет, услышим лучше любой сирены. Вроде тихо сегодня. Не знаете, товарищ капитан, когда наши пойдут в наступление? Перекоп взяли, Сиваш наш, у Керчи чего-то топчемся. Осталось два

удара нанести одновременно – с запада и севера, добить оккупанта в Севастополе. Чего ждут? Народ уже изнервничался, а немцы да их прихлебатели только звереют.

– Не моя компетенция, Семен, просто не знаю, – отозвался Вадим. – День, два, неделя. Надо терпеть, ждать, постараться не допустить, чтобы враги по мере нашего наступления ушли в горы. А то придется выколупывать их.

– Уж этого-то мы никак не допустим, товарищ капитан, – заявил Белоусов. – Нас мало, как говорится, но мы в тельняшках.

Откуда-то из-за гряды вылетела осветительная ракета, рассыпала искры. Потом она плавно падала и озаряла небольшой участок местности холодным светом. За первой взмыли еще две. После этого кругом опять установилась темнота.

– Экономят на ракетах фрицы, – проворчал где-то сбоку Чернуля. – Нехватка у них. Все ракеты извели, боеприпасы скоро по карточкам получать будут, только самые отличившиеся. Зато злости у них больше становится. Эх, сейчас спуститься бы, отыскать этих осветителей да задать им трепку!

– Как бы они дворцы вокруг Ялты взрывать не начали со своей злости, – подал голос Шендрик. – Тут ведь до хрена всяких хором. В них раньше эксплуататоры жили, а потом музеи открыли. Они же психи, чего только в ярости не сделают, повзывают все к чертовой матери, лишь бы никому не досталось.

– Вперед, парни, – пробормотал Белоусов. – Перебегаем до тех кустиков. Недолго осталось.

– Ну, наконец-то, – заявил командир отряда Сазонов, кряжистый, бритый наголо мужик в овечьей безрукавке. – Ждем уже давно. На дворе глухая ночь, а мы еще не ложились. Случилось чего, Семен?

– Парочка недоразумений приключилась, Василий Лукич, – сказал Белоусов и блеснул на удивление приличными зубами. – Сперва товарища капитана ветром чуть не в Ялту унесло, потом Петька Чернуля не в том месте оказался.

– Опять Чернуля? – Сазонов поморщился. – Вот ведь юла! Ладно, понял тебя, Семен, свободен.

– Ага, – сказал Белоусов, еще раз блеснул зубами и удалился.

В командирской землянке было тепло, пахло портянками, табаком, какими-то травяными настоями. Поблескивала керосинка на дубовом столе. На пылящей буржуйке стоял алюминиевый чайник, под ней притулилась пара закрытых кастрюль. На столе лежала разложенная карта Ялты и ее окрестностей, исчерканная пометками. На ней стояли алюминиевые плошки, кружки и банка с солеными помидорами.

«На карту поставлено все, – подумал Вадим. – Тут только бутылки с самогоном не хватает».

– Давайте знакомиться. Сазонов Василий Лукич, бывший директор Мордвиновских складов, – проговорил командир и сунул для рукопожатия мозолистую ладонь.

– Сиротин Вадим Викторович, капитан контрразведки СМЕРШ, – представился Вадим. – Вы серьезно, Василий Лукич, были заведующим складом?

– А по-вашему, все кладовщики – рвачи, хапуги и воры? – с улыбкой осведомился Сазонов. – Да, работал, партия на склады отправила. Выполнял все инструкции, любимчиков не подкармливал. Складское хозяйство при мне работало как швейцарские часы. Осенью сорок первого отдали людям и отступающим советским частям то, что успели. Все остальное я лично подпалил, хотя сердце кровью обливалось. Приказ пришел из горкома: склады сжечь, пусть фрицы дулю сосут. Кто же знал тогда, что немцы еще два дня валандаться будут. Их шестого ноября ждали, в тот день, когда они теплоход «Ливадия» потопили, а нарисовались фаши-

сты только восьмого. Мы у сгоревших складов им несколько приятных сюрпризов оставили, поздравить хотели с началом оккупации.

– Хреново вы их поздравили, – прокрихтел, поднимаясь с лежанки, бледный мужчина с прогрессирующей плешью.

Он давно не брился, выглядел больным, опирался на трость. Глаза его запали, голос звучал хрипло.

– Одна мина из трех сработала, остались плохо поздравленные. Воронцов Сергей Леонидович, – представился он. – Замполит отряда.

– Вы не потомок того графа? – пошутил Вадим, отвечая на рукопожатие.

– Да какой там граф, – отмахнулся Воронцов. – Так, графская развалина. Очень сомневаюсь, товарищ Сиротин, в том, что наша родня – сплошь голубая кровь да белая кость. Разве что холопами при графских конюшнях состояли. До войны был секретарем парткома ялтинского порта. Надеюсь, после победы меня обратно примут. Немцы там таких дел наворотили, что десятилетие разгрести придется. Не обращайтесь внимания, приболел малость. Пулю в ногу поймал, да еще и простуду. На морально-боевых качествах это не отражается.

– Сочувствую, Сергей Леонидович, выздоравливайте.

Хлопнула дверь, в землянку ввалился довольно плотный улыбчивый дядя лет под сорок, по-военному отдал честь. Под бушлатом просматривалась армейская гимнастерка.

– Овчарук Никита, – представил его Сазонов. – Мой заместитель. Бывший офицер Красной армии.

– Бывших офицеров не бывает! – заявил Овчарук, подавая руку Вадиму. – Командование в курсе, что я не дезертир, а партизаню. Старший лейтенант, в сорок первом командовал взводом полковой разведки. Когда наши из Севастополя драпали... прошу прощения, организованно отступали, получил ранение у Константиновского равелина в Севастопольской бухте. От своих отстал, дополз до частного сектора. Приютили меня добропорядочные граждане, проживающие на улице Плесовой. В подвале держали, пока раны зализывал. До своих никак не добраться, только вплавь через море. Я отправился в горы, встретил хороших людей, получил оружие и солидную должность.

– Ладно, товарищ капитан, не слушайте нас, трепачей. Мы сутками болтать можем, жизнь свою вспоминать, – сказал Сазонов. – Рация у нас работает. О вашем прибытии нас известили, повелели встретить, поселить, оказать всяческое содействие, что и делаем. Вы присаживайтесь, сейчас перекусите с дальней дороги. Да и мы с вами. Можно по чарочке, если вы не против. Чего ты там накашеварил, Леонидович? – Сазонов опустил на колени, снял крышку с кастрюли.

– Уха из петуха, – сказал Воронцов. – Да шучу я. Из чуларки уха. Это наша черноморская кефаль. Пальчики оближете, Вадим Викторович. Парни в Черную бухту спускаются, а там пацаны из Парусного уже ждут, они сетями эту рыбешку ловят, часть нам сбывают. Сейчас посуду расставим, хлебца наломаем. Так как насчет чарочки, Вадим Викторович?

– Спасибо, товарищ замполит, сегодня воздержусь. Можете пригубить, а я не буду, не особый любитель. Курить у вас можно?

– А как же иначе? – заявил Воронцов. – Всем можно, а вам нет? Курите, что хотите. Есть табак, махорка, немецкие сигареты. Впрочем, их не рекомендую, редкая пакость. Вы присаживайтесь к столу, товарищ капитан.

Уха действительно удалась на славу. Мужчины стучали деревянными ложками, рвали зубами суховатый ржаной хлеб, запивали квасом. Баловаться самогоном в присутствии нового человека партизанские командиры не стали, и правильно сделали. Гости всякие бывают. Доложит этот контрразведчик по своей линии, что партизаны товарища Сазонова пьют по-черному, и будут у них неприятности.

Снаружи было почти тихо. Но многие в лагере не спали.

Партизанская база расположилась в низине между оврагами. С одной стороны ее подпирал ельник, изобилующий ловушками, с другой – обрыв, оснащенный скрученными веревочными лестницами и парочкой канатов для скоростного спуска. Землянки люди рыли так, чтобы запасные выходы из них оказывались в оврагах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.